

УДК 325. 2.000.1

DOI: 10.17223/1998863X/51/15

В.Д. Попков, Е.А. Попкова

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ МИГРАНТЫ В ГЕРМАНИИ: СВЯЗИ СО СТРАНАМИ ИСХОДА И ОРИЕНТАЦИЯ НА ВОЗВРАЩЕНИЕ¹

Рассматривается реэмиграционный потенциал русскоязычных групп в Германии. Основное внимание уделяется этнически привилегированным мигрантам («русским немцам» и «русским евреям»). Ставится цель показать особенности взаимодействия русскоязычных групп, проживающих в Германии, с обществами происхождения. В основе исследования лежит качественная методология. Аналитическая база представляет собой 43 интервью, проведенных в Мюнхене.

Ключевые слова: русскоязычные мигранты, постсоветское пространство, Германия, интеграция, ориентация на возвращение.

Введение в проблему

Присутствие значительного числа мигрантов из бывшего СССР в Германии становится поводом для научной и общественной дискуссии о присутствии и выраженности в русскоязычной среде потенциала «обратной миграции» в Россию и страны постсоветского пространства. Основное внимание теме реэмиграции уделяется в российском научном поле, в то время как в немецкоязычной среде доминируют работы, посвященные интеграции приезжих. Если авторы и касаются темы реэмиграции, то упоминают в основном челночные поездки мигрантов в страны исхода, не связанные напрямую с принятием решения о возвращении [1, 2]. Те редкие случаи, когда предпринимается попытка отследить возвращенческую миграцию выходцев из бывшего СССР, авторы касаются отдельных групп этнически привилегированных мигрантов. Например, А. Шмид приводит цифру 13 616 реэмигрантов из числа поздних переселенцев, которые в период с 2000 по 2006 г. вернулись в Россию [3. S. 77]. Поскольку основной целью немецких исследователей является не изучение обратного потенциала русскоязычных групп, а их интеграция в общество поселения, то и тема реэмиграции ни в научных, ни в политических кругах Германии практически не звучит.

В российском научном и политическом дискурсе к данной теме, наоборот, заметен существенный интерес. Причем постсоветские мигранты рассматриваются здесь под другим углом зрения. В русскоязычной дискуссии присутствует понятие соотечественников, очерчивающее круг лиц, имеющих отношение к России и составляющих демографический (и экономический) потенциал для современного российского государства. Понятие «соотечественники» имеет объяснение и закрепление в Федеральном законе от 24 мая 1999 г. № 9-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [4], который к настоящему времени

¹ Авторы благодарят Фонд Александра Гумбольдта за поддержку проекта.

претерпел ряд изменений и дополнений. Важно отметить, что как устойчивая исследовательская традиция данное направление еще не сложилось. К настоящему моменту еще нет значимой эмпирической базы, сравнимой со случаями немецких переселенцев и еврейских беженцев. В проведенных исследованиях доминирует позиция, согласно которой репатриационный потенциал русскоязычных мигрантов в Германии оценивается как невысокий [5–8]. Например, Ю. Баскакова, характеризуя репатриационные настроения соотечественников, склоняется к тому, что «большинство проживающих в Германии <...> предпочли бы остаться в стране пребывания» [6. С. 94]. В то же время ряд других исследователей отмечают усиление репатриационных настроений [9, 10]. В данных работах важно отметить тенденцию к изучению репатриационного потенциала мигрантов на «уровне действия». То есть для исследователей важно определиться с позицией мигрантов по поводу их возможного обратного переезда в терминах «ехать обратно» или «остаться». Именно на выяснение позиции респондентов по данному поводу и направлено большинство исследований. Между тем проблема видится гораздо шире. Ориентация на возвращение включает в себя не только непосредственное действие (обратную миграцию), но и ряд активностей мигрантов, направленных на общество исхода и предшествующих данному перемещению, но не всегда к нему приводящих. Данное направление изучения проблемы недостаточно представлено в современных исследованиях.

Принимая во внимание заметный разброс авторских позиций, а также сохраняющуюся актуальность данной темы, обратим внимание на некоторые векторы взаимодействия русскоязычных мигрантов в Германии с обществами исхода.

Цель статьи и направления анализа

Цель настоящей статьи – выяснение характера взаимодействия русскоязычных групп в Германии с обществами исхода. Акцент ставился на изучении выраженности связей со странами исхода, а также форматов, в которых эти связи поддерживаются. *Объект исследования*, объединенный под общим названием «русскоязычные мигранты» состоял из двух групп:

1. «Русские немцы». Основной законодательной базой для иммиграции русских немцев являются Закон по делам изгнанных и беженцев (*Bundesvertriebenengesetz*), вступивший в силу 19 мая 1953 г. [11] и Закон для урегулирования законов, вызванных последствиями войны (*Gesetz zur Bereinigung von Kriegsfolgesetzen*) [12], вступивший в силу с начала 1993 г. В соответствии с последним документом был введен единый статус «поздних переселенцев», который получили и русские немцы. Всего с представителями данной группы было проведено 20 тематически-центрированных интервью.

2. «Русские евреи». В эту категорию вошли еврейские контингентные беженцы, прибывшие в Германию на основании закона «О мероприятиях в отношении беженцев, принятых в рамках акций гуманитарной помощи» [13]. Данный документ более известен в качестве Закона о контингентных беженцах (*Kontingentflüchtlingsgesetz*). Русские евреи, приехавшие в Германию до 1 января 2005 г. получали этот статус. Всего в данной группе было проведено 23 тематически-центрированных интервью.

Методология исследования

В основе теоретических построений исследования лежит конструктивистский подход П. Бергера и Т. Лукмана [14], опирающихся на феноменологическую традицию Альфреда Шюца [15].

Для сбора информации применялся метод тематически-центрированного интервью. Основная идея заключалась в том, что респонденту предлагался набор тематических блоков, в рамках которых поступательно формулировались открытые вопросы, касающиеся только одной темы, и велось свободное обсуждение. Теоретическая выборка формировалась методом «снежного кома».

Представление результатов

Русские немцы

Значительная часть группы русских немцев сохраняет устойчивый интерес к странам исхода. В основном это проявляется в отслеживании новостей по телевидению, в немецкой и русскоязычной прессе, а также через публикации в Интернете и устные рассказы других русскоязычных, недавно приехавших из стран исхода. В то же время многие мигранты вполне осознанно идут на то, чтобы ограничить контакты с обществами исхода. Особенно ярко эта тенденция выражена в первые годы после переезда. Однако в целом это не приводит к заметному результату. Подавляющее число респондентов остаются погруженными в русскоязычную среду, даже если они стараются минимизировать контакты с ее представителями.

Интерес к покинутым странам не приводит к их частому посещению. Большинство респондентов ездят в Россию и другие страны исхода не чаще, чем один раз в два-три года. Во многом это связано с нехваткой денег для таких поездок либо отсутствием какой-либо собственности и близких родственников в странах исхода.

«Я за 13 лет была только 2 раза. По неделе. И меня не тянет туда. У меня нет потребности туда ехать. Но меня очень интересует, что происходит в России. Но я несколько не тоскую. У меня моя мама здесь, брат с сестрой здесь. Вся родня» (жен., 59).

Другой важной причиной редких посещений стран исхода является большое расстояние, которое должны преодолеть мигранты до конкретного места исхода. В ряде случаев это регионы Сибири и Урала в России или же города Казахстана, не говоря уже о его отдаленных населенных пунктах. Для респондентов из городов европейской части России и российских столиц ситуация выглядит не столь критично, тем не менее принцип «сжигать мосты» кажется групповой особенностью для миграции русских немцев. Особенно это характерно для мигрантов из отдаленных российских городов и Казахстана, решивших «ехать навсегда» и оказавшихся своего рода заложниками подобного решения. Вероятно, поэтому в ряде случаев респонденты вполне осознанно ограничивают себя в прямых контактах со странами исхода, полагая, что самым фактом миграции они перешли Рубикон и о прошлой жизни лучше не вспоминать.

«Нам уже нет дороги назад. Мы не оставили ничего в России. Как говорят, сожгли за собой мосты. И это сразу было сказано. Раз решили переез-

жать – значит переезжать. И мы все там продали. Есть же люди, которые решают, давайте поедем – посмотрим. Оставим здесь квартиру, ничего продавать не будем, если что, мы вернемся... Но мы решили, что если ехать, – то ехать. Если ездить туда-сюда, то нечего позориться» (муж., 40).

Нетрудно заметить, что такая позиция отражает некоторую неуверенность респондентов в том, что принятое решение о миграции было правильным. Скорее всего, за ней прослеживается желание «идти до конца». Думается, что указанная тенденция представляет собой радикальный декларируемый вариант отказа от реэмиграции. Ключевым моментом здесь является констатация отсутствия возможности обратного пути, которая помогает данной подгруппе русских немцев справляться со стрессом, вызванным разрывом с обществом исхода и вхождением в общество поселения. В данном случае считается, что возвращение уже невозможно и (в том числе поэтому) нежелательно. Такая парадоксальная позиция, обосновывающая нежелание возвращение в страну исхода невозможностью данного действия, не является редкостью в группе опрошенных русских немцев. Однако если перед респондентами «рисовалась» обратная программа переселения русских немцев в Россию, которая гипотетически могла бы быть принята российским правительством, то возвращение рассматривалось уже как вполне реальное событие.

«В Россию и без всяких программ многие едут. Ну, не многие, а кое-кто из наших знакомых в Россию уехали. Кто-то там купил уже квартиру. Потому что не все тут настолько привыкли, чтобы думать, что это родина и больше уже ничего не надо. Не у всех такие мысли. Конечно, наверное, у 90 процентов такие мысли есть, что больше ничего не надо. А, наверное, процентов у 10 есть такие мысли, что они не на месте, что они как на вокзале сидят. И когда будет возможность, то они вернутся» (жен., 56).

Многие респонденты отмечают невозможность возвращения как раз по причине отсутствия каких-либо накоплений и материальной базы в стране исхода, которые они не в состоянии создать самостоятельно. Кроме того, считается, что в силу возраста многие «выпали» из жизни в России, Казахстане или других странах бывшего Союза, что также не способствует укреплению реэмиграционных настроений. Также подчеркивается зависимость части русских немцев от финансовых институтов страны поселения, предоставивших долгосрочные кредиты. Возможность их выплаты, в свою очередь, связывается с той работой и теми доходами, которые респонденты могут зарабатывать, только находясь в Германии. Поэтому обратный переезд в страну исхода рассматривается как нереальный.

«Многие хотят обратно уехать, но понимают, что некуда ехать. У меня двоюродный брат только и мечтает о том, чтобы уехать назад. Но там ни работы нет, ни квартиры, там ничего нет. А дом здесь он продать не может, он за него еще не выплатил. Все русские немцы в долгах здесь. Их же всех здесь лет на 25, на 30 повязали! Но душой они здесь не живут. Никто. Они так и будут жаловаться, как им плохо, но останутся. У них как волю забрали» (муж., 45).

Большинство опрошенных русских немцев избегают открыто декларировать свою ориентацию на возвращение в Россию, несмотря на фактическое ее присутствие и выраженность. Данная тенденция доминирует на фоне узкой

прослойки мигрантов из крупных городов России, в основном столиц, у которых, как правило, не выражена жесткая позиция относительно невозможности возвращения и которые не рассматривают вопрос в рамках дихотомии «или – или». Нужно особо отметить, что данная тенденция малозаметна в группе; ее представители склонны к созданию границы и ставят себя вне группы русских немцев, рассматривая ее как бы со стороны.

Русские евреи

Подавляющее большинство группы русских евреев живо интересуются происходящим в странах исхода. Многие респонденты регулярно смотрят русскоязычное телевидение и следят за новостными блоками телекомпаний страны поселения, которые посвящены странам бывшего СССР. Наиболее привлекательными для респондентов являются российские каналы. Большая часть информации черпается из Интернета при явном доминировании русскоязычных сайтов.

Личные посещения стран исхода происходят с периодичностью не чаще одного-двух раз в год. При этом часть респондентов отмечают определенные риски или чувство дискомфорта, которые возникают при поездках в страны исхода.

«Вот у меня в отношении России неуверенность, что там полный порядок и безопасность. Это из того, что я читаю, слышу... Там тебя могут где-то зацепить, в милиции избить... То есть я бы так с удовольствием побывал, но специально поехать... у меня нет такой мысли» (муж., 72).

Интересно выглядит позиция респондентов относительно возможного возвращения в страны исхода. Следует отметить, что для ряда опрошенных вопрос в плоскости «возвращаться – оставаться» не рассматривается. В первую очередь это связано с тем, что для респондентов, сохранивших недвижимость и гражданство стран исхода, этот вопрос, сформулированный как альтернатива «или – или», неактуален, поскольку имеющиеся возможности позволяют им жить на два дома. В этом смысле данная часть русских евреев «никуда не уезжали», поэтому и вопрос о возвращении не возникает. Возможность присутствия и «там» и «здесь» одновременно нивелирует и саму идею возвращения для данной части респондентов. В основном это относится к выходцам из крупных городов России (столиц в первую очередь), которые не воспринимают переезд как окончательный и не рассматривают миграцию в Германию как билет в одну сторону. Для данной подгруппы русских евреев постоянно сохраняется возможность поехать назад как на время, так и навсегда.

«Раза два в году я точно бываю в Питере. Вот сейчас поеду скоро. У меня нет никакого ощущения отрыва. То они ко мне приезжают, то я к ним. Перезваниваемся без конца, 'и-мейлы' шлем. То есть часто мы и там так общались, потому что все очень заняты. Я не могу сказать, что мы с друзьями видимся реже, чем тогда, когда я жила там. Я вообще не вижу разницы, только здесь жизнь более приятная. А так я сижу, смотрю это же телевидение. А когда надоедает, я могу поехать туда. Там жизнь кипит» (жен., 60).

Важно отметить, что само понятие «возвращение» в смысле окончательного возвращения отсутствует в данной подгруппе русских евреев. Вероятно, это объясняется сохранением «якорей» в России для ряда ее участников, что

проявляется, например, в наличии российского гражданства, деловых и личных связей в России и часто недвижимости или бизнеса.

На уровне действия обратная миграционная активность практически не заметна. Несмотря на то, что о конкретных случаях возвращения в страну исхода слышали многие опрошенные, личное знакомство с людьми, которые решились на обратный переезд, встречается редко. При этом возвращение не воспринимается респондентами как какое-то необычное, экзистенциально важное событие. Оно подается как почти что ординарное явление, несмотря на его относительную редкость.

«Вот в последнее время я слышала о случаях возвращения. Это бывает чрезвычайно редко, но бывает. Это бывает с теми людьми, кто здесь как бы понимает, что он здесь никак не реализуется. А работать надо, иначе жить невозможно. Еще до пенсии далеко. Значит, он понимает, что в России он все-таки будет иметь работу, а здесь нет. И вот такие люди могут уехать. И очень редко по другим соображениям уезжают» (жен., 70).

Следует отметить, что в группе русских евреев явно доминирует тенденция к сохранению связей со странами исхода. Различия по группе проявляются лишь в интенсивности и выраженности этих связей. Обращает на себя внимание подгруппа «никуда не уезжавших» русских евреев, которые имеют наиболее тесные связи со странами исхода и успешно существуют «между» двумя странами. Ее основу составляют, как правило, русские евреи из мегаполисов России с сохраненным российским гражданством. Эта подгруппа относительно небольшая, более обеспеченная и наиболее мобильная.

Другая подгруппа русских евреев не обладает столь широкими возможностями. Она численно доминирует. Ее основу составляют мигранты, не имеющие дополнительных финансовых вливаний (кроме социальной помощи) и не обладающие возможностями для поддержания частых личных контактов со странами исхода. Именно в этой подгруппе идея «возвращения» является наиболее обсуждаемой, однако не приводит к реальной реэмиграции. Актуальным становится поиск путей для регулярного посещения стран исхода с целью извлечения выгоды из своего нового статуса.

Выводы

Большое значение для представителей обеих групп имеет разделение своей жизни на «до» и «после» миграции, предполагающее наличие некоего рубежа. Особенно это заметно в группе русских немцев. В данном случае респонденты стараются обосновать правильность принятого в свое время решения о его переходе (переезде в Германию) и отсутствие необходимости реэмиграции. В то же время эмоциональный настрой относительно идеи о возвращении в страну исхода часто находится в диссонансе с реальным действием. Создается впечатление, что многие респонденты хотели бы переехать в Россию, но в силу различных обстоятельств либо не могут этого сделать, либо сознательно глушат в себе это желание. Поэтому, несмотря на выраженность ориентации на страну исхода в среде русских немцев, ожидать реэмиграционной волны не приходится.

В группе русских евреев тема репатриации также широко дискутируема, но более или менее массовая фактическая реэмиграция отсутствует. Вероятно, это обусловлено тем, что, несмотря на возросшую привлекательность

России, возвращение в страны исхода связано со значительными финансовыми потерями для большинства респондентов, которые в силу возраста рискуют не найти хорошо оплачиваемой работы на российском рынке труда. Уровень пенсий и прочих социальных выплат также не прибавляет оптимизма вероятным реэмигрантам. На этом фоне стабильно высокий уровень жизни в Германии и социальные гарантии, предоставляемые немецким государством русским евреям, являются самыми существенными тормозящими факторами. Это не позволяет ожидать заметной реэмиграции в ближайшее время.

Применительно к обеим группам обращает на себя внимание то, что наиболее интенсивные связи поддерживаются в тех русскоязычных средах, участники которых являются выходцами из больших городов европейской части бывшего СССР. Отчасти это связано с близким географическим положением таких городов к стране поселения. Во многом поэтому Москва, Санкт-Петербург или Киев значительно чаще фигурируют как места, с которыми поддерживаются устойчивые контакты. Это особенно выражено, когда речь идет о личных посещениях. В этом случае постоянная рециркуляция мигрантов между странами исхода и поселения создает мощный канал влияния на русскоязычные группы. Учитывая процессы формирования новых идентичностей в странах исхода, эти контакты становятся особенно важными, поскольку с их помощью задействуется механизм прямой ретрансляции новых социальных установок, общественных настроений и национальных политик в странах исхода, что сказывается и на русскоязычных мигрантах в Германии. Таким образом, общества исхода могут влиять на русскоязычное пространство, «поставляя» его участникам различающиеся идентификационные базы. Например, одним из следствий таких контактов является возможность выбора страны исхода для всех участников русскоязычных групп. Несмотря на то, что мигранты прибыли из разных независимых государств, общее культурное поле и язык делают возможным смену ориентаций относительно того, какую ныне независимую часть бывшего СССР рассматривать в качестве «страны исхода». Так, некоторые респонденты, прибывшие, например, из Казахстана или Молдовы, говорят о том, что они хотели бы вернуться в Россию, несмотря на то что они никогда не жили в России, не являлись ее гражданами и никогда из России не уезжали. Это интересный феномен, который, как кажется, непосредственно связан с процессами общественных трансформаций на постсоветском пространстве и влиянием обществ исхода на русскоязычных мигрантов.

Литература

1. *Kurilo O.* Die Lebenswelt der Russlanddeutschen in den Zeiten des Umbruchs (1917–1991). Ein Beitrag zur kulturellen Mobilität und zum Identitätswandel. Essen : Klartext Verlag, 2010.
2. *Schoeps J., Glöckner O.* Fifteen Years of Russian-Jewish Immigration to Germany: Successes and Setbacks // The new German Jewry and the European Context. The Return of the European Jewish Diaspora / ed. by Y. M. Bodemann. 2008. Springer, P. 144–157.
3. *Schmid A.* Zur Integration von Aussiedler // Aussiedler- und Minderheitenpolitik in Deutschland. Bilanz und Perspektiven / Ch. Bergner, M. Weber (Hg.). München : R. Oldenbourg Verlag, 2009. S. 67–78.
4. *О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом* : Федеральный закон РФ от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ.
5. *Архангельский А., Булатова Л. и др.* Мониторинг миграционных настроений соотечественников, проживающих за рубежом. М. : Полиформ, 2012.

6. *Баскакова Ю.* Соотечественники за рубежом // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 6 (94). С. 82–96.

7. *Савоскул М.* Реэмиграция российских немцев из Германии в Россию: факторы и масштабы явления // Региональные исследования. Смоленск : СГУ, 2013. С. 57–68.

8. *Скринник В., Полоскова Т. и др.* Комплексный мониторинг. Динамика политического поведения русских диаспор в государствах Евросоюза (на примере Германии, Латвии, Румынии, Эстонии). М., 2006. 312 с.

9. *Кадацкая Н.* Миграция немцев из Казахстана в Германию: поиск идентичности // Материалы международной конференции / ред. Л.Л. Емельянова, Г.М. Федоров; РГУ им. И. Канта. Калининград, 2008. С. 333–344.

10. *Смирнова Т.* Массовая миграция в Германию из стран СНГ в конце XX – начале XXI века: причины, динамика, последствия // *Migratory Processes in Europe*. Odessa, 2012. P. 462–478.

11. *Gesetz über die Angelegenheiten der Vertriebene und Flüchtlinge (Bundesvertriebenengesetz – BVFG 15.05.1953).*

12. *Gesetz zur Bereinigung von Kriegsfolgengesetzen (Kriegsfolgenbereinigungsgesetz – KfbG 21.12.1992).*

13. *Gesetz über Maßnahmen für im Rahmen humanitärer Hilfsaktionen aufgenommene Flüchtlinge (Kontingentflüchtlingsgesetz – HumHAG 22.07.1980).*

14. *Berger P., Luckmann Th.* Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie. Frankfurt am Main, 1967.

15. *Schütz A.* Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981.

Viacheslav D. Popkov, Technical University of Berlin (Berlin, Germany); Institute of Social Research and Analytics (Kaluga, Russian Federation).

E-mail: v-831p@yandex.ru

Ekaterina A. Popkova, Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch (Kaluga, Russian Federation).

E-mail: ekaterina.popkova@lenta.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 51. pp. 149–157.

DOI: 10.17223/1998863X/51/15

RUSSIAN-SPEAKING MIGRANTS IN GERMANY: CONNECTIONS WITH THE EXODUS COUNTRIES AND RETURN TENDENCIES

Keywords: Russian migrants; Germany; Russia; post-Soviet space; integration; return tendencies.

The article presents an attempt to consider the re-emigration potential of Russian-speaking groups living in Germany. The main attention is given to the privileged groups (from an ethnic perspective) and, in particular, to “Russian Germans” and “Russian Jews”. Qualitative methodology is the basis of the conducted research work and the analysis. The analyzed basis is 43 interviews done in Munich in 2005–6 and in 2011 with representatives of the above mentioned groups. The article aims at revealing the nature of interaction between the Russian-speaking groups and the residents of the country of exodus in Germany and the formats in which these interactions are held. It takes into consideration not only the direct contacts of the respondents, but also the tendencies to get information about different aspects of the political, economic and social life in the countries of exodus and the attitude to a possible re-emigration to the country of exodus. The article shows different activity tendencies of these groups towards the exodus countries. The authors assume that Russian-speaking groups not only keep in touch with the people in the exodus countries but also tend to expand and strengthen these relationships. But in some cases the basis for such tendencies is not the wish of the migrants to return to these countries but their striving for participating in the trans-national migrant community life. This presupposes the formation of some certain “social niches” in the countries of exodus and residence to exist between the abandoned society and the host country. In this case, the re-migrant potential of the Russian-speaking groups is not high. The authors focus on the possibility of influencing migrants living in the countries of new settlement by communities of the exodus countries. Much attention is given to the fact that the Russian-speaking individuals who came to Germany from the CIS countries can choose among the exodus countries no matter which part of the former USSR they left. In this case, the Russian vector is the most determining. It reveals that migrants who did not come from Russia and do not have Russian citizenship may show the tendency of returning to Russia, which they

never left. The article shows that the national policies of the abandoned societies may directly influence migrants thus forming new social attitudes and sentiments.

References

1. Kurilo, O. (2010) *Die Lebenswelt der Russlanddeutschen in den Zeiten des Umbruchs (1917–1991). Ein Beitrag zur kulturellen Mobilität und zum Identitätswandel*. Essen: Klartext Verlag.
2. Schoeps, J. & Glöckner, O. (2008) Fifteen Years of Russian-Jewish Immigration to Germany: Successes and Setbacks. In: Bodemann, Y.M. (ed.) *The new German Jewry and the European Context. The Return of the European Jewish Diaspora*. pp. 144–157.
3. Schmid, A. (2009) Zur Integration von Aussiedler. In: Bergner, Ch. & Weber, M. (eds) *Aussiedler- und Minderheitenpolitik in Deutschland. Bilanz und Perspektiven*. Munich: R. Oldenbourg Verlag. pp. 67–78.
4. Russian Federation. (1999) *Federal Law N 99-FZ of the Russian Federation “On the state policy of the Russian Federation with respect to compatriots abroad” dated May 24, 1999*. (In Russian).
5. Arkhangelsky, A., Bulatova, L. et al. (2012) *Monitoring migratsionnykh nastroyeniy sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom* [Monitoring the migration attitudes of compatriots living abroad]. Moscow: Poliform.
7. Savoskul, M. (2013) Re-emigration of Russian Germans from Germany to Russia: Factors and scale of the phenomenon. *Regional'nye issledovaniya*. 3(41). pp. 57–68. (In Russian).
8. Skrinnik, V., Poloskova, T. et al. (2006) *Kompleksnyy monitoring. Dinamika politicheskogo povedeniya russkikh diaspor v gosudarstvakh Evrosoyuza (na primere Germanii, Latvii, Rumynii, Estonii)* [Integrated monitoring. The dynamics of the political behaviour of Russian diasporas in the EU countries (a case study of Germany, Latvia, Romania, Estonia)]. Moscow: [s.n.].
9. Kadatskaya, N. (2008) Migratsiya nemtsev iz Kazakhstana v Germaniyu: poisk identichnosti [Migration of Germans from Kazakhstan to Germany: the search for identity]. In: Emelyanova, L.L. & Fedorov, G.M. (eds) *Migratsiya i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie stran regiona Baltijskogo morya* [Migration and Socioeconomic Development of Baltic Countries]. Kaliningrad: I. Kant Russian State University. pp. 333–344.
10. Smirnova, T. (2012) Massovaya migratsiya v Germaniyu iz stran SNG v kontse XX – nachale XXI veka: prichiny, dinamika, posledstviya [Mass migration to Germany from the CIS countries at the end of the 20th – early 21st century: Causes, dynamics, consequences]. In: *Migratsionnye protsessy v sovremennoy Evrope: evolyutsiya migratsionnykh vzaimodeystviy ES i gosudarstv Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy* [Migration processes in modern Europe: evolution of migration interactions between the EU and the states of Central and Eastern Europe]. Odessa: Simeks-print. pp. 462–478.
11. Germany. (1953) *Gesetz über die Angelegenheiten der Vertriebene und Flüchtlinge (Bundesvertriebenengesetz – BVFG 15.05.1953)*.
12. Germany. (1992) *Gesetz zur Bereinigung von Kriegsfolgengesetzen (Kriegsfolgenbereinigungsgesetz – KfbG 21.12.1992)*.
13. Germany. (1980) *Gesetz über Maßnahmen für im Rahmen humanitärer Hilfsaktionen aufgenommene Flüchtlinge (Kontingentflüchtlingengesetz – HumHAG 22.07.1980)*.
14. Berger, P. & Luckmann, Th. (1967) *Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie*. Frankfurt am Main: Fischer.
15. Schütz, A. (1981) *Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie*. Frankfurt/M.: Suhrkamp.